

Светлана Лаврентьева
/КОТ БАСЁ/

AB(IV) Rh-

ЧЕТВЁРТАЯ ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ

Светлана Лаврентьева

**AB(IV) Rh- Четвертая
отрицательная**

Издательско-Торговый Дом "СКИФИЯ"

2017

УДК 82.14
ББК 84(2Рос=Рус)

Лаврентьева С.

AB(IV) Rh- Четвертая отрицательная / С. Лаврентьева —
Издательско-Торговый Дом "СКИФИЯ", 2017

ISBN 978-5-00025-118-8

Необходимые люди остаются связанными с тобой всегда — как точки маршрутов, звезды в созвездиях, капилляры. Они всегда часть истории, часть речи. «Четвертая отрицательная» Светланы Лаврентьевой — это история длиною в жизнь — про неслучайных и неотделимых.

УДК 82.14
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-00025-118-8

© Лаврентьева С., 2017
© Издательско-Торговый Дом
"СКИФИЯ", 2017

Содержание

«Узнавать своих по крови да по породе...»	6
«Я отрицаю все, что было мной...»	7
«А сила твоя не в том, чтоб меня ломать...»	8
«Мне скоро тридцать, мама...»	9
«Я ждала ее, она ко мне приходила...»	10
«Это все сентябрьская сутулость, хроническая усталость...»	12
«Весна для выживших...»	13
«Мы сидим на самом краю пригревшись...»	14
«Каждый пастырь строг, каждый бес строптив...»	15
«Это не было в марте, не было нор...»	16
«О чем говорит мне март, идущий за високосным?...»	17
«Загнанных лошадей пристреливают...»	18
«Ты помнишь меня на горе над заливом...»	19
«А старик бубнит: «Ты зачем живешь?...»	20
«По берегам вечерами горят костры...»	21
«Мы искали энергию, вышли, а город мертв...»	22
«Мне пора написать об этом...»	23
«Каждую ночь мне снится родной Канзас...»	24
«И я говорю ему: «Забирайся, ветер крепчает...»	25
«Говорю тебе, мир, говорю тебе, будет Рим...»	26
«И когда-нибудь, черт возьми, мы отправимся в Сан-Франциско...»	27
«Что тебе нужно? Коня, полцарства...»	28
«Есть много законов, мой мальчик...»	29
«Я вижу дождь, крадущийся по заливу...»	30
«На расстоянии любовь превращается в сущий ад...»	31
«Когда трое садятся в лодку – один финал...»	32
«О чем я буду тебе писать?...»	33
«Наследник Тутти вырос и стал большим...»	34
«Начинается Лес, и тебе остается идти...»	36
«У нас была и шхуна, и паруса...»	37
«Так не будет, милая, так не будет...»	38
«Сидеть в ногах у крепости...»	39
«Юнга на мачте бьется: «Земля, земля!»	40
«Не спать с тобой по ночам – это рок и рай...»	41
«Можно вечно смотреть, как бежит с ледника река...»	42
«Где-то есть берега и далекие города...»	43
«Затем ли шла эта мысль по кругу, мутила разум...»	44
«Кокопелли танцует, в небе орел парит...»	45
«Это худшее из одиночеств – сидеть в толпе...»	46
«Какого, спрашивается, хроноса...»	47
«Вот она выдыхает: «Уже тяжело молчать...»	48
«Все, что я знаю, требует немедленного забвения...»	49
«Последний раз мы спали в Сукко...»	51
«Обрети меня, нарисуй меня и сотри...»	52
«Если ты считал, что творишь историю...»	53
«Говоришь, говоришь, но слова все равно не те...»	54

«Видеть светящихся счастьем – в соленых брызгах...»	55
«Слава Богу, слава ветру и кораблю...»	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Светлана Лаврентьева

AB(IV) Rh-

Четвертая отрицательная

«Узнавать своих по крови да по породе...»

Узнавать своих по крови да по породе, счастье острое припрятывать в голенище. У нее тропа лежит, где народ не ходит, где скот не бродит, где зверь не рыщет.

Кто не снится ей, тому ее не бывает. По лесу мелькают тени, летают птицы. Деревья руки держат над головами, камень огонь выбивает, которое лето длится.

Она слышала: филин ухал, сова вздыхала, летучая мышь свистела и перестала. Она видела: лес качался, как опахало, заря над ним восходила и потухала, к заутрене холодало.

«Я отрицаю все, что было мной...»

Я отрицаю все, что было мной, еще вчера казавшееся важным – песочным замком, парусом бумажным, водой и ветром, призрачной стеной. Нас не было – в моих черновиках не сохранилось писем и рисунков. Нас не было, идут вторые сутки безвременья, застывшего в веках. Свободы нет, как нет и темноты, что отменила это заточенье. Когда пришла пора менять течение, достаточно движения воды.

Не помню лиц, не знаю, не зову, определяя по координатам ту женщину, которой я когда-то самой себе казалась наяву.

«А сила твоя не в том, чтоб меня ломать...»

А сила твоя не в том, чтоб меня ломать.
И правда твоя не в том, что тебе казалось.
Из трех твоих женщин с тобой остается мать,
Которая никогда тебя не касалась.

Из трех твоих стран с тобой остается та,
В которой сегодня тебе не найдется места.
Такая внутри огромная пустота,
Что сердцу в ней слишком тесно.

Из трех твоих жизней, что держит тугой капкан,
Одна продолжает еще говорить о чем-то.
Когда досчитаешь до трех – замолчи, пока
Не сбился со счета.

«Мне скоро тридцать, мама...»

Мне скоро тридцать, мама, давай подумаем, как нам было.

Как крепко ты никогда меня не любила, как страшно не скучала и не боялась. Я твоя обреченность, мама, твоя усталость, твоя затяжная бессонница, горечь, жалость. И все эти годы я за тебя держалась, жалась к тебе, слабела, тобой болела. Я не успела, мама. Я не успела стать тебе чем-то, кроме знакомой тени. Мы приходили не с теми, уйдем не с теми.

Мне скоро тридцать, я вижу, что будет с нами.

Мама, мы никогда себя не узнаем.

Я была тебе ложью, была тебе сожаленьем. Мне хотелось приехать, уткнуться в твои колени, лежать под твоей ладонью, не остывая...

Так не бывает, мама. Так не бывает.

«Я ждала ее, она ко мне приходила...»

Я ждала ее, она ко мне приходила.
Садилась у изголовья, смотрела жадно.
Во мне выцветала кровь, вырастали жабры,
Мне снились донные рыбы и крокодилы,
Душа отражала звуки, как перепонка,
Мир погружался глубже, мы плыли вместе:
Горькие слезы женщин, костры и песни.

Желтые воды Ганга.

Удары гонга.

«Это все сентябрьская сутулость, хроническая усталость...»

Это все сентябрьская сутулость, хроническая усталость, депрессивный синдром, зависимость от погоды. Становишься частью комнаты, пола, стула, частью того, что еще осталось, пытаешься быть равнодушным, но ждешь исхода. Прошлое вспоминается кадрами, цветными вспышками, крупными планами, непригодными для работы. И все со своими правдами, с чужими книжками – пустые беседы, проверенные остроты.

Чувствуешь себя не в своей тарелке, в недоброй притче.

Темнеет так быстро, что впору вооружаться.

Наше время уходит из города. Как обычно – даже не пытается задержаться.

«Весна для выживших...»

Весна для выживших. Из выцветших палат, из рукавов больничных коридоров мы тянемся за дозами тепла, слабее слов, прозрачнее стекла, мы покидаем сумрачные норы.

Идем к весне – в пижамах, босиком, с катетерами в венках подключичных, и ладанки на тонких шеях птичьих боготворяют детей и стариков.

Весна для выживших. Хвала прошедшим тьму, дождавшимся весны, как откровенья. Мы друг за другом тянемся, как звенья.

Он соберет нас, наберись терпенья.

Идущий первым, улыбнись Ему.

«Мы сидим на самом краю пригревшись...»

Мы сидим на самом краю пригревшись, мы у Него в руках. Мы бежали через ноябрь к марту и обогнули шар. На двоих у нас есть беспокойный компас и с десяток дорожных карт. У меня – очки и смешная шапка, у тебя – разноцветный шарф. Нет ни общего прошлого, ни историй, душащих по ночам, нет терпения, чтобы найти причину, по которой мы тут сидим. Я умею с тобой проходить сквозь стены, чтобы потом молчать, потому что когда замолкаешь – слышишь сердце в твоей груди.

Соль на губах проступает морем, море покорно ждет. Если бежать босиком по пляжу – там остается след: то ли влюбленного зверя, то ли ловца, что за ним идет – без отдыха через ноябрь к марту по этой большой земле. Вот прибой прорастает сквозь дикий камень, вот мы стоим на нем. Рыбы плывут по морским дорогам, словно осколки льдин.

Я говорила с ветреным мартом и с пасмурным ноябрем.

Теперь я буду молчать и слушать сердце в твоей груди.

«Каждый пастырь строг, каждый бес строптив...»

Каждый пастырь строг, каждый бес строптив, каждый путь лукав. Не успею в срок, не приду простить, не найду лекарств. Открывает дверь, не скрывает ран, не умеет врать. Сын мой, я осторожный зверь, постоянный страх, я бездарный врач.

Мне бы псом у ног да полсотни книг, чтобы каждое слово – к ней. Но в глазах темно, не горят огни, никогда не найти огней. А она ничего не ждет, за окном дождит, по утрам туман. Я бессилён, я измождён, я всегда один, я схожу с ума.

Сочинять ей блюз, причинять ей боль, целовать ее на бегу.

Сын мой, я за себя боюсь, я хреновый бог.

Ибо большего

не могу.

«Это не было в марте, не было нор...»

Это не было в марте, не было нор, и кролик в них не нырял, алиса не распахивала окно навстречу ветру и фонарям, мама не запрещала гулять по крышам, талый снег не топил подвал, не было белого, не было черного, и шляпник не предавал. Это не было с нами, не было с кем-то, не было дней и лет, это не было ни под землей, ни сверху, никогда ни на чьей земле, потому что это не было светом и даже не было тьмой.

Это не было чем-то, что было раньше между тобой и мной.

«О чем говорит мне март, идущий за високосным?..»

О чем говорит мне март, идущий за високосным?

Говорит не сходить с ума, не задавать вопросов, говорит, ступай себе мирно своей дорогой, чужого добра не трогай, притворись юродивым, вырядись идиотом – так никто не узнает, чей ты, не спросит, кто ты, вот снег идет и деревья под ним цветут, не оставайся тут.

Говорит, никто не верит и не жалеет, деревья идут по снегу, весна болеет, птицы вернулись, ищут теперь спасенья, кругом одно прощёное воскресенье, говорит, прости, а лучше уже прощай, не привыкай к вещам.

Говорит, какой в этом смысл, какое дело? У тебя есть душа, она состоит из тела, уноси их отсюда, пока они не сгорели, прячь их в любви, в тепле, в голубом апреле, дай им покоя, божественной благодати, хватит, родная, хватит.

О чем говорит мне март, идущий за февралем? Вот солнце встает, трава пробивает лед, вот снег идет и падает на траву и лежит на ней, а с неба его зовут – возвращайся в горние выси, в небесный тыл.

О чем говоришь мне ты?

«Загнанных лошадей пристреливают...»

Загнанных лошадей пристреливают – Расскажи это сыну, которого не было никогда. Расскажи, как в новой реке глубока вода, как легко предавать, если знаешь, что ты сильнее. Найди женщину тише шепота и оставайся с ней. Загнанных лошадей пристреливают – за это стоит выпить крепкого, как огонь. В баре легко смеяться и в дым окунать ладонь, рассказывать, как она билась, и хлопать бармена по плечу. Крути барабан и считай патроны, а я тебе помолчу. Загнанных лошадей пристреливают, что поделать, таков закон. Попадется кобыла с норовом – держи ее под замком, в узде держи, коновязь придирчиво проверяй. Загонишь – пристрелишь, да что тебе повторять.

«Ты помнишь меня на горе над заливом...»

Ты помнишь меня на горе над заливом, чернеющим где-то внизу? Расколотый надвое танкер небесный теряет тягучую нефть, и всполохи делают это священным, земле предвещая грозу, и кажется, нежность наполнена гневом, и нежностью высушен гнев. Ты помнишь меня – над стихией, над морем, над сотнями прошлых имен – твоим маяком, моряком, миротворцем, идущим с огнем и мечом крестить тебя словом, и быть твоим склоном, и чувствовать тело твое, когда ты сливаешься с ночью июльской отчаянно и горячо.

Теряющий счастье боится счастливых, хрипит от полученных ран. Меня, заключенную в ребра бумаги, ты учишь, что надо терпеть.

Тягучая нефть разлилась над заливом.
За мной не вернется гора.

Мне пусто, мне дьявольски пусто, мой ангел.

Скажи-ка мне, кто я теперь?

«А старик бубнит: «Ты зачем живешь?»...»

А старик бубнит: «Ты зачем живешь?», я сочувствую старику. У меня есть ребенок, обрыв и рожь, я держу его как могу, мне нельзя уходить, мне нельзя не жить, я прописана у черты. Но старик не видит его во ржи, говорит: «Принеси воды». Я иду за водой и боюсь не сметь, я сама себе нынче смерть, а вдали еще раздается смех, и колосья звенят как медь. Неподвижно птица моя летит, ветер листьями не скрипит. Я встречаю женщину на пути, и она говорит мне: «Пить». В целом мире у женщины ни души и от прошлого – ни следа. Я безропотно ей отдаю кувшин и смотрю, как течет вода. Опустел кувшин, и разбит кувшин, и осколок пустил росток. И к ростку народ кочевой бежит – «Вот знамение и пророк, исцели нас, дай нам, храни от бед, чудодействуй, пока стоим!..» А во ржи уже не заметен след, а над полем восходит дым. И у женщины жажда змеей в груди, и старик изможден и слаб. Кто решится услышать и отпустить, если я их тогда спасла?

Он зовет – по телу проходит дрожь, он бежит – замирает дух. У меня есть ребенок, обрыв и рожь. Я уже ничего не жду. А старик говорит: «Принеси воды», а народ повторяет в такт...

Я живу над пропастью у черты. И не знаю, за кем черта.

«По берегам вечерами горят костры...»

По берегам вечерами горят костры – беглые греются и проклинают белых. Песни поют о свободе, поют навзрыд, была бы здесь мать, она бы такие пела. Белые ищут беглых, пока светло, первые сумерки так изменяют воду, что тонкой чертой становится каждый плот и черными пятнами кажутся пароходы. К реке привыкаешь, живешь с ней один в один, в прибрежные заросли прячешься, если жарко. Ты сам себе раб и сам себе господин, другие боятся жизни, но их не жалко. С рекой понимаешь: рождайся хоть сотню раз, меняя цвет кожи, бывая никем и всеми, твой мир будет плыть от берега до утра, а значит, на юге все реки текут на север. У нас из еды все чаще одна вода, бывает, добудем что-нибудь в городишке. А проповедь, в сущности, полная ерунда, ее пропустили, значит, о ней не пишем. И кто вам сказал, что здесь мы живем в грехе, что нет у нас бога – мол, бог на плоты не выйдет? Мы просто плывем, плывем без путей и схем, и Джим на свободе, и бога ночами видит.

А что у тебя? И как ты попал на плот? Большая река, широкое русло мира. Идет пароход, и если поднять весло, то можно услышать, как время проходит мимо.

Мы вместе плывем на плоту, мы всегда плывем, великой реке не видно конца и края.

Ты можешь быть герцогом, пастырем, королем.

Мы с Джимом посмеемся и подыграем.

«Мы искали энергию, вышли, а город мертв...»

Мы искали энергию, вышли, а город мертв. Из глубин земли раздается сердитый рев, тяжела вода, но я за нее в ответе. Отпусти меня, друг, возьми, отведи к врачу, я рентгеновский луч, но больше я не хочу, мне пора на заслуженный отдых, на свежий ветер.

Посмотри – ничего живого на сотни верст, и стоят столбы, головами касаясь звезд, на столбах – таблички с нашими именами. Разве я умел любить и не ждать беды, разве раньше я не был стражем большой воды, разве люди с глазами смертников были нами?

Вечерами тошнит и кружится голова. Я устал от них, но больше устал от нас, выходящих из подземелья в защитных масках. Наш реактор гудит, идут по воде круги, мы такое построили – Господи, помоги, только Припять вокруг, о ней не напишут в сказках.

«Мне пора написать об этом...»

Мне пора написать об этом если не роман, то его главу.
О людях, с которыми не живу.

* * *

Что нам делать, любимые, нам никуда не скрыться,
Не бывать в уме нам и не сходить с него.
Написать о людях, с которыми мне не спится?
Без которых не живется,
не говорится,
Без которых не случается ничего?
Разделить нас, как обычно, на чёт и нечет,
Чтоб, на миг замедлив время, ослабив цепь,
ЗаклЮчить всех в обручальную бесконечность,
В бесконечную обреченность
В моем кольце.

* * *

Выключаешь свет, выходишь из кабинета,
На улице жарко, но не бывает лета,
Пасмурных межсезоний, студеных зим.

Что нам делать, любимые?

После сообразим.

«Каждую ночь мне снится родной Канзас...»

Каждую ночь мне снится родной Канзас.
Страшила не спас меня, и дровосек не спас,
И эта дорога из желтого кирпича
Так мучительно горяча, что хочется закричать.
Но не о том рассказ.
Я слышу голос, он говорит мне:
«Ткани тонкие, Элли, просыпайся и убегай.
Там, в котле у Гингема начинается ураган,
Каждый охотник желает знать, где сидит фазан.
Тебе будет страшно, Элли, закрой глаза,
Но только не помогай.
Птице в зрачке прицела вылететь из кустов,
Охотникам – проходить эти семь цветов,
Урагану – разрушить город, городу – вырасти из руин.
Всему свое время, Элли, решишь умереть – умри,
Каждый подходит к смерти, когда готов».
Он говорит мне: «Я не Гудвин, Элли, и даже уже не бог.
Каждое чудо тебе причиняет боль,
Поэтому больше не будет моих чудес,
Будет чужая сказка, дремучий лес,
Не оставайся здесь, Элли, Господь с тобой».

Я смотрю на небо и вижу черный на синеве,
Значит, скоро мой домик снова поднимет вверх,
Выше туч, пронизанных солнцем, выше солнечного луча.
Над радугой над дорогой из желтого кирпича,
Над каплями на траве.

«И я говорю ему: «Забирайся, ветер крепчает...»

И я говорю ему: «Забирайся, ветер крепчает, пора лететь.
Если хочешь чуда – подожди его в пустоте,
В глубине урагана, со смертью накоротке,
Подержи ее, как собаку, на поводке,
Приручи, потому что ты тоже один из тех.
Ты же знал, где кончалась дорога, сидел фазан.
Охотники шли, и ты им не рассказал.
Ураган закончится, выплеснет семь цветов,
Ты готов ко всему, а к этому не готов.
Когда тебе страшно, не закрывай глаза».

А потом мы летим с ним, и внизу начинается новый мир.
Я смотрю, как он населяет его людьми,
Ставит на поле чучело, дровосека ведет в лесу.
Дровосек шагает, топор качается на весу,
Лес на ветру шумит.
Где-то идут охотники, радуга прячется в облака,
Изумрудный город виден издалека,
И горит дорога из желтого кирпича.
Он улыбается: «Чтобы не заскучать,
Чтобы нам никогда друг с другом не заскучать...».

Просыпайся, Элли,
знаешь, который час?

«Говорю тебе, мир, говорю тебе, будет Рим...»

Говорю тебе, мир, говорю тебе, будет Рим, солнце, льющееся на площадь, балкон под ним. Церковь Санта Мария Маджоре, и мы внутри, и над каждым туристом нимб. Квиринал, Палатин, Капитолий – холмы холмов... Над холмами белое лето, лазурный свод. Каждый встреченный дом будет лучше других домов, каждый камень в нём будет свой. Мы научимся быть в нём, любить в нём, идти к нему, говорить на других таинственных языках. Ты коснешься руки, и я тебя обниму, и мы будем смотреть закат. Потому что закат над Римом велик, как бог, – выбирай любого, вера пребудет здесь. Говорю тебе, мир, говорю тебе, я с тобой в этом древнем городе храмов и площадей. Отвечай мне певуче, прохладной живой водой утоляй мою жажду, дари бирюзу и шелк и смотри, как Рим ложится в твою ладонь, куда бы ты ни пошел.

Мы закроем дверь, и спустимся в сонный двор, и пойдем считать фонтаны и фонари.

Этот город создан из вечности *сop amore*.

Говорю тебе, будет Рим.

«И когда-нибудь, черт возьми, мы отправимся в Сан-Франциско...»

И когда-нибудь, черт возьми, мы отправимся в Сан-Франциско.
Автостопом.
С рюкзаками.
В потертых кедах.
У нас не спросят имен, мы не будем в списках
Тех, кто остался в гетто.
Где-то в гетто, аллилуйя его обескровленным мостовым,
Его решеткам на окнах, его комендантскому часу,
Аллилуйя всем оставшимся, всем живым.
Аллилуйя всем погибшим и всем причастным.

Когда-нибудь, черт возьми, мы выйдем на этот мост
И, взявшись за руки, пересечем залив.
Апостол Павел заденет рюкзак крылом,
Апостол Петр будет ласков и молчалив.

«Что тебе нужно? Коня, полцарства...»

Что тебе нужно? Коня, полцарства, царскую дочку, ее подруг? Ты по утрам говоришь мне: «Здравствуй» – и начинаешь свою игру. Звонкой свирелью, апрельской трелью, ласковой песней в моем дворце... Добрый палач рядом с плахой дремлет, пес с благодарностью лижет цепь. Старый засов выпускает листья, ров наполняется молоком. Голос твой ангельский, нрав твой лисий, песня, зовущая далеко. Что же ты делаешь, как тревожишь? Ветром врываешься в мой покой. Чем моя стража сильней и строже, тем тебе легче дается кон. Ты позовешь меня – вздрогнет замок, совы сорвутся с высоких крыш. Впору бы волюшку дать слезам, но я проиграю, мне нечем крыть. Я же с ума схожу, как с престола, – платье придерживая рукой. Лестницей льется твоя истома, разве я выдержу бой с такой?

Что ты стоишь? Улыбнись народу, спой на прощанье, седлай коня.

Я за тобой и в огонь, и в воду.

Так забирай, наконец, меня.

«Есть много законов, мой мальчик...»

Есть много законов, мой мальчик, но в джунглях все сводится к одному. Если ты ничего не значишь – уйдешь во тьму, потому что смысл в том, что имеет смысл, остальное – добыча тьмы.

В джунглях находится Индия, о которой знают только дети и старики, их тела из сандала слажены и крепки, их зубы белы, как бивень царственного слона, Индия проявляется в них сполна.

В джунглях рождаются женщины с сияющей кожей, с волосами черными, как смола. Индия их покоряла, но не смогла. Их руки покрыты мехенди, их сари оранжевы, как закат. Приезжий денди достает объективы из рюкзака, поправляет светлую шляпу, выбирает ракурсы поживей. Фотографии он покажет потом жене, чопорной англичанке, во время чая, примерно в шестом часу. Жена отметит, что Индия в этом, но, однако, не в этом суть.

Если ты спросишь меня, зачем я говорю тебе об одном, я отвечу, что желтые реки имеют дно, и серые реки имеют дно, даже если не разглядеть. Потому что реки тянутся по земле. И что посылает небо, то лес берет, и в сердце джунглей выживший стоит трех оставшихся в остывающих именах. И белый храм стоит на спине слона, и слон всегда идет, и вода течет...

Но я не говорю тебе ни о чем.

«Я вижу дождь, крадущийся по заливу...»

Я вижу дождь, крадущийся по заливу,
по хребтам кораблей, обглоданных временем и водой.
Я мог бы сделать тебя счастливой,
если бы не смерть, не смерть за секунду до.
Я умею встречать ее молча, свое искусство
я совершенствовал сотни бессонных лет.
Она всегда приходит, когда захочет,
это происходит на благо всего сущего на земле.

Любовь моя, знаешь, как сложно,
если смерть встает на твоём пути?
Сложно быть спокойным и осторожным,
но самое сложное – отойти.
Стоять на пустынном пляже, смотреть,
как дождь оставляет на камне след.
Мы с тобой никому не скажем,
что происходит на благо всего сущего на земле.

Я вижу тебя сквозь опущенные ресницы,
я вижу тебя, идущую не ко мне.
Я хочу, чтоб ты знала, что нам всё это снится,
а значит, и смерти нет.
Я всегда остаюсь на краю дождя —
смотреть на тебя в вечерней прохладной мгле.
Я обречен отпускать и ждать,
это происходит на благо всего сущего на земле.

Это проходит – на благо всего сущего на земле.

«На расстоянии любовь превращается в сущий ад...»

На расстоянии любовь превращается в сущий ад. Я знаю женщину, у нее есть дом и над домом сад, она забывает о доме на перегонах под скрип рессор. Стучат вагоны, катится колесо. На расстоянии любовь превращается в голоса. За белой приходит черная полоса. И дом в саду запирается на засов. По небосводу катится колесо. На расстоянии любовь превращается в тонкий нерв, соединивший живущих в одной стране на разных планетах в глубинах своих лесов... По этим лесам и катится колесо. Неумолимо катится колесо. Мимо и мимо катится колесо.

«Когда трое садятся в лодку – один финал...»

Когда трое садятся в лодку – один финал. Выплывет пес, он не раз уже выплывал, он знает фарватер, умеет, чтоб ветер стих, он слишком устал в этой лодке от всех троих. Когда трое садятся, пес начинает выть – не надо касаться весел, не надо плыть, давайте не будем ставить себя на кон, не уходите от берега далеко. Люди плыли и плыли – трое, почти как Бог. Вода лизала лодке шершавый бок, день превращался в вечер, текла река. Вода сомкнулась – никто не заметил, как.

Пса не считали, он смерть отгонял хвостом. Он лаял, ветер носил его песий стон, когда подхватило течение – пес скулил. Как звали пса – вспоминали, но не смогли.

Ты не грусти, дружок, это всё пустяк. Конечно, в финале будет совсем не так.

Лодка причалит, выйдем на бережок.

Автор нас любит, поэтому бережет.

«О чем я буду тебе писать?..»

О чем я буду тебе писать? Во тьме рождаются чудеса, среди болот и слепых огней, среди стволов и змеиных нор, они рождаются из земли, они однажды уже смогли, а кроме них ничего и нет, и я, и ты, и они – одно. Когда ты знаешь, куда идти, не ищешь правильного пути, любая тропка сквозь топь и гниль тебя приводит к иным мирам, когда ты знаешь, за что гореть, тебя отпустят и тьма, и смерть, ты сам себе и клубок, и нить, насыщенный хлеб и престольный град. О чем я буду тебе писать? Ты научился все видеть сам, ты знаешь, здесь, в глубине ночей, из камня в ржавой оправе вод идет такой негасимый свет, что чащи нет и печали нет, и чудо спит на твоём плече, а ты боишься будить его.

«Наследник Тутти вырос и стал большим...»

Наследник Тутти вырос и стал большим. Три толстяка в нем не чают теперь души, наследник с железным сердцем жесток и глуп. Кукла наследника Тутти стоит в углу. «Потанцуй мне, Суок, как будто я снова мал, как будто я никогда тебя не ломал. Сердце стучит, часовой механизм идет. Оружейник Просперо пойман и осужден». Суок отвечает: «Тутти, ведь я больна. Мы с тобой танцевали, потом началась война, ты сказал мне, я плохо танцую, я не о том пою. Ты приказал стоять здесь – и я стою». Наследник злится и повышает тон, в парадную залу кондитер выносит торт, три толстяка с любопытством глядят на дверь.

Доктор Гаспаро, скажи мне, куда теперь?

Под канатом на площади снова стоит толпа.
Я пройду даже там, где каждый второй упал.
Лихорадит город, наследник лежит в бреду.
Улыбнись, мой мальчик, ты видишь, как я иду?

Кукла поет, сердечко ее стучит. Оружейнику в клетку наутро несут ключи.

«Начинается Лес, и тебе остается идти...»

Начинается Лес, и тебе остается идти и смотреть вокруг, изумляться, если выходят звери, чтобы есть у тебя из рук, принимать опасность как часть дороги, никогда не искать причин, идти по тропе, ничего не трогать, слушать, как Лес звучит. Начинается Лес, в котором ты тоже лишь малая часть всего, бесенок с розовой тонкой кожей, рожденный из темных вод, ангел бескрылый, который не был причастен Его чудес, человек, что между землей и небом всегда выбирает Лес. Если есть это место, то есть дорога, что всегда приведет к нему. Так иди, иди, ничего не трогай и не бойся упасть во тьму. Лес тебя окружает, кольцо сужает, жизнь говорит во мгле...

За окном шел дождь, и они лежали, и каждому снился Лес.

«У нас была и шхуна, и паруса...»

У нас была и шхуна, и паруса, и кольца канатов, и черный пиратский ром. Мы сами решали, кого нам пора спасти, дразнили морского черта, трубили в рог. Мы были бы голосом, ужасом всех морей, легендой, идущей веками из порта в порт...

Распяли нас в созвездии Южный Крест. Он нашей болью светится до сих пор.

«Так не будет, милая, так не будет...»

Так не будет, милая, так не будет.
Ибо все мы пока у Него в гостях.
Приходили девушки, били в бубен,
Танцевали девушки на костях.
Разжигали пламя, будили лихо,
Говорили с духами темных вод.

А потом всегда становилось тихо.
Словно здесь и не было никого.

«Сидеть в ногах у крепости...»

Сидеть в ногах у крепости, смотреть,
как попадает в облачную клеть свет золотого дерзкого луча,
не спящего в июне по ночам. Так острова берут любовь в кольцо,
так ярк цвет небесных изразцов, так порастает прошлое
быльем...

Господне лето в имени Твоем.

«Юнга на мачте бьется: «Земля, земля!»»

Юнга на мачте бьется: «Земля, земля!», донный песок зеленым закрыт стеклом. Забирай меня к черту с этого корабля, я устал от его рангоутов и узлов. Мой Летучий Голландец, корабль, который мертв так давно, что ему не страшны ни шторма, ни штиль, – отпусти меня в травы, где солнечный зреет мед, где земля горяча и вечна, а воздух тих. Я искал этот остров над бездной в краю морей, я прошел через ад – но и в нем не нашел земли. Это дерзкое сердце дает постоянный крен, от которого все на моем корабле болит. Мы ходили кругами – над компасом звезд не счесть, я смотрел в горизонт, насколько хватало сил. Я хочу на землю – спать на твоём плече, ни о чем другом не думать и не просить.

Где-то юнга на мачте бьется: «Земля, земля!», где-то дремлет корабль, зарывшись в песочный шелк.

Если выйдешь из леса вечером – не стреляй.

Береги патрон, любимая. Я пришел.

«Не спать с тобой по ночам – это рок и рай...»

Не спать с тобой по ночам – это рок и рай. Первый делаешь громче – играй, играй. Второй постигаешь, как до сих пор не смел. Таинство рук твоих, твой животворный смех. Не спать с тобой по ночам – очищать эфир от всех, кто с мечом приходил воевать за мир. Месяц над полем ратным багров и тих. Я сижу на краю кровати у ног твоих.

Не спать с тобой по ночам – это сущий ад. Думать, кто в этом замешан, кто виноват, между нами река, в реке глубока вода.

Кто разделил километрами города?

«Можно вечно смотреть, как бежит с ледника река...»

Можно вечно смотреть, как бежит с ледника река, и огонь расправляет крылья в своем гнезде. Приходи за мной, пожалей меня, дурака, расскажи мне, зачем я здесь. Скалы были небесной пылью и дном морским, а теперь тверды и держат Господень шаг. Принеси мне мирского счастья, земной тоски. Я почти не могу дышать. Здесь такая свобода – реликтовый лес вокруг, и приходят звери смотреть на мои следы. Я могу приручать зверей и кормить из рук. Но не знаю таких, как ты. Можно вечно смотреть, как бежит с ледника река. Отпускать костер на крыльях в ночную стынь. Нет ни лодки, ни самолета с материка. Навсегда сожжены мосты. Я б надеялся на чудо, когда б умел различать среди тумана его черты. Пожалей меня, дурака, приходи ко мне. Я не выдержу пустоты.

«Где-то есть берега и далекие города...»

Где-то есть берега и далекие города, в которых мы не были никогда, ибо у нас есть камень, рука, руда, под горой река, над рекой – звезда. Мы родились здесь, племя людей слепых, чтобы вдыхать этот каменный прах и пыль, мы усмешка судьбы, голоса толпы, нам велят не сходить с тропы. Отче, я просыпался ночью и видел небо в таком огне, что боялся дышать, ибо знал, что огонь во мне, он полыхал, плясал, пожирая снег, чуда иного нет. Есть огонь, берега, города за чертой мечты. А мы заложники каменной темноты, этой чертовой пустоты, я хотел бы обжечься, Отче, чтоб никогда уже не остыть.

Но ты говоришь нести этот камень. Говоришь из сияющей высоты.

«Затем ли шла эта мысль по кругу, мутила разум...»

Затем ли шла эта мысль по кругу, мутила разум, лишала сна, чтоб мы попались сейчас друг другу – твоя свобода, моя блесна. Движенья жизни идет сквозь жабры, за горизонтом – водоворот. Болеть идеей, вдыхая жадно ее живительный кислород. Не спать, не есть, не сидеть у пирса, считая лодки и рыбаков, такая рыба подобна птице – едва касается облаков, летит, играет, сверкает телом, дрожит стальное веретено. Такая рыба меня хотела, когда я пел тебе об ином. Торговка утром придет на рынок – взглянуть в глаза, о цене узнать.

Старик и море, рука и рыба. Твоя свобода, моя блесна.

«Кокопелли танцует, в небе орел парит...»

Кокопелли танцует, в небе орел парит. Неверчивый мой, давай заключим пари. На дыхание флейты спорим, на тень орла – я владею тем, что я себе не брала. Кокопелли танцует, зреют вокруг сады, и летит орел, замечает крылом следы. Расскажи им, имеющим право на чудеса, расскажи им о том, чего ты не знаешь сам. Я играю на флейте, веду за собой орла, я владею тем, чему не найти числа, я беру урожай садов, отдаю земле. Кокопелли танцует три тысячи долгих лет. Если я устану – ни слова не говори. Неверчивый мой, давай заключим пари. Пока флейта играет, а в небе горит звезда, ты идешь, идешь, идешь по моим следам.

«Это худшее из одиночеств – сидеть в толпе...»

Это худшее из одиночеств – сидеть в толпе, слушать, как люди лгут тебе нараспев, улыбаются – прорезь маски, провал зрачка, послушнее скрипки, ласковее смычка. У мудрости в этом возрасте чуткий слух. В поющей паре фальшивит один из двух. Зерно отделять от плевел, держать в руках. И овцы сыты, и волки на поводках. Различать все оттенки цвета, слова, глаза, помнить лгущую паству по голосам, скрывать от других свою нутряную боль.

Быть одиноким так, как бывает Бог.

«Какого, спрашивается, хроноса...»

Какого, спрашивается, хроноса мы все тут ждем на пороге вечности? Мир разделен на простые полосы, на белых будет любовь просвечивать. Чего нам стоит – шагнуть на чистое, смотреть, как свет наполняет комнаты? Пока я делаю шаг, молчи со мной, мы все хотим получить искомое. Такая точная арифметика, такая правильная пропорция, бутоны цветика-семицветика не распускаются здесь без солнца, но... давай представим, что время кончилось, часы разбиты, бумаги скомканы, мы столько вместе на черном корчились, теперь пора выходить из комнаты. Давай оспорим законы физики, подвергнем критике притяжение. Пока мы рядом – такие близкие, давай искриться от напряжения. Не будет ветра – не будет паруса, соленый воздух, дорога водная. Какого, спрашивается, хаоса нам не хватало, чтоб стать свободными?

«Вот она выдыхает: «Уже тяжело молчать...»

Вот она выдыхает: «Уже тяжело молчать, дай мне знак – звонок, один поворот ключа, дай мне лишнее слово в наш полуночный чат, я начну тебе отвечать. Я начну говорить с тобой, видеть тебя иным, отличать от тысячи пасынков той весны, что растет за моим окном, проникает в сны, состоит из этой искрящейся тишины. Я была немой, но больше я не могу. Дай мне слово лечь ударным в мою строку. Дай мне южный город – Тбилиси или Баку, дай мне ветер на берегу. Я хочу говорить с тобой всем, что дарует мир – адресами, домами, событиями, людьми, черным кофе в турке, улицей, что шумит, старым городом, небом, раскинувшимся над ним. Я хочу рассказать тебе, сколько всего вокруг – как колышется хлопок облака на ветру, белозубые дети бросают свою игру, чтобы солнце коснулось рук. Как сидят старики, смуглы от горячих лет, как гранат рассыпается зернами на столе, как медовым лучом остается на коже след, как миндальное дерево цвет забирает в плен».

Вот она выдыхает, бумага дрожит едва, как живая вода, закованная в слова.

Если есть молчание – есть на него права.

Помолчи со мной. Я знаю, кого ты звал.

«Все, что я знаю, требует немедленного забвения...»

Все, что я знаю, требует немедленного забвения, погружения в волны прошлого, отторжения, ибо мы не становимся цепью, являясь звеньями, не становимся током, чувствуя напряжение. Наша оболочка призрачна, ненадежна, и вскрыть ее под силу каждому голодранцу, завоет сирена, ты даже не подойдешь, но в этом слишком мучительно признаваться. Видишь ли, все устроено как устроено, нет инструкции к этому лабиринту, остается привыкать к постоянным сбоям. Потому что нас всегда выживает трое, и никто никогда не уходит с ринга, никто не чувствует этой боли. Милый мой, я зараженный файл, оптическая иллюзия, в моих кодах не осталось живого места. И никто из людей не знает, остановлюсь ли я, не выходи из комнаты, даже если в комнате слишком тесно. Я помню, что слово требует немедленного забвения, погружения в волны прошлого, отторжения.

Ибо – мы – не – становимся – цепью – являясь звеньями.

Не становимся

током,

чувствуя

напряжение.

«Последний раз мы спали в Сукко...»

Последний раз мы спали в Сукко, и в окна стучался лес. Во времени это так далеко, что даже не стоит лезть. Шумело море, горел закат, воздух был смолянист. Господь из небесного рюкзака рассыпал тогда огни. Мы шли к дольменам, делам, дарам, что спрятаны до поры. Был Моисей, и была гора, но он не нашел горы. Поскольку есть у нас уговор прошлого не менять, я собираю простой набор открыток внутри меня. Но есть у нас уговор иной – не встать на пути воды. И если мне нужно идти одной, то ты не хранишь следы, песок не целуешь, не плавишь лед оконный горячим лбом. Из дней, разлившихся над землей, спокойно примешь любой. Когда настанет урочный час, не знаем ни я, ни ты. Пускай у нас остается часть космической пустоты, огромные звезды, волна в ночи и запах цветущих трав. А о грядущем мы промолчим, уткнувшись в речной рукав.

«Обрети меня, нарисуй меня и сотри...»

Обрети меня, нарисуй меня и сотри, возроди меня, измени меня изнутри, не оставь меня на площади на костре, уведи меня, врачеватель и менестрель. Отпусти меня, лети на восток со мной, я устала, руки связаны за спиной, моя ноша необъятна и тяжела – все сердца, которыми я жила. Снег растаял, а под снегом мертва листва, научи меня всем премудростям колдовства – не тонуть в слезах, дотла не сгорать в огне.

Дай забвения всем помнящим обо мне.

«Если ты считал, что творишь историю...»

Если ты считал, что творишь историю, прочитай внимательно наш роман. Мне уйти из него ничего не стоило, а тебе остается сходить с ума, ибо главы рассыпаны, перемешаны, все герои – предатели и лжецы. Почему я всегда воскрешаю нежностью тех мужчин, что годились бы мне в отцы? Кто и кем спасен от жестокой памяти, кто кого оставил на берегу? Я же помню, как ты просыпался в панике, я же каждую боль твою берегу. Кроме страхов, выпущенных придворными, по покоям рассыпанных, словно яд, ты ничем не владеешь – меняй короны, но драгоценные камни не говорят. Говорят только те, кто владеет голосом – останавливать кровь, призывать рассвет. Я умею быть рядом с тобой и порознь, на любой вопрос находить ответ. Это я писала тебя – счастливого, облекала каждое слово в плоть. Я пряду эту нить, бесконечно длинную, мне бы только пальчик не уколоть. Сказка сказке рознь, рука ведущего создает дороги в других мирах. Только ты – иллюзия всемогущества, за нее не стоило умирать.

Завтра будет день – непременно пятница, раскаленный воздух, песок в горсти. Я умею строить такие матрицы, из которых выхода не найти.

«Говоришь, говоришь, но слова все равно не те...»

Говоришь, говоришь, но слова все равно не те. Задержать дыхание, укрывая тебя собой, стоя над бесконечностью на головокружительной высоте, глядя на рассыпающийся прибой. Кем мы приходимся друг другу, миру, каждому новому году в календаре, людям, появляющимся внутри? Время идет по кругу, его эфиры в апреле и в январе, стихи переходят ночами в большой ретрит. Демиурги были отчаянны и безумны, бесстрашны и влюблены. Они лепили нас из тысячи почему. Мы производные, сумма, наши вены оголены, как провода, протянутые сквозь тьму. Что бы ни было, я остаюсь тебе маяком, током и соком, утоляющим жажду дня.

Ни словом божественным, ни человеческим языком
не объяснить
неотделимости
от меня.

«Видеть светящихся счастьем – в соленых брызгах...»

Видеть светящихся счастьем – в соленых брызгах, в свете ночных фонарей, в васильковом поле. Где бы вы ни были, видеть, на этот вызов не отвечать себе ни тоской, ни болью, воспринимать как должное, по заслугам, быть в стороне, в опале, в своей пустыне. Переворачивать камни, идти за плугом, ждать, когда на рассвете песок остынет. Что я здесь делаю? Ветер сухой и жаркий, здесь не растет давно никакое семя. Но есть горизонт, и мне никого не жалко, есть горизонт, и я расстаюсь со всеми. Ибо за ним – оазисы и приливы, нездешнее небо, его неземные птицы.

Счастье мое осторожно и терпеливо.

Мы с ним договорились не торопиться.

«Слава Богу, слава ветру и кораблю...»

Слава Богу, слава ветру и кораблю, слава киндзмараули в моем бокале. Я сижу на террасе города, я никого из вас не люблю, как бы вы меня в обратном ни убеждали. Смотреть, как солнце ложится лицом в траву, как яркие наряды девушек на аллеях. Забывать вас – та еще мука по существу, но я никого отныне не пожалею. Какой бесконечно прекрасный идет июль, какие рассветы, кровь в хрустале востока. Я знаю, что никого из вас не люблю, я заплатила – даже не помню сколько. Но важна ли цена, когда получаешь мир, открываешь глаза и видишь каждого, кто не тронут нашей проклятой любовью, не случающейся с людьми, состоящей из импульсов и нейронов. Слава Богу, слава ветру и кораблю, слава свободным снам и грузинским винам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.